

E.C. Landis. Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2008. XXII, 381 p. (Pitt Series in Russian and East European Studies)*

Быстрым политическим взлётом и столь же быстрым падением Александр Антонов, руководитель крестьянской партизанской армии Тамбовской губ., повторил судьбу многих известных деятелей Гражданской войны. Почти год – с осени 1920 г. до лета 1921 г. – он возглавлял восстание против Советского правительства, опираясь на силы 20–30-тысячной вооружённой армии и на поддержку сотен тамбовских деревень. Но всего спустя несколько месяцев, в июне 1922 г., оставшийся почти без последователей и сторонников Антонов был убит в перестрелке с чекистами в деревне Нижний Шибрай. Когда его тело везли в Тамбов, любопытствующие крестьяне окрестных деревень собирались посмотреть на останки бывшего лидера народного восстания. Но они не оплакивали его гибель. О нем не складывали песен, как о Стеньке Разине. Официальный советский термин «бандит» очень быстро вытеснил из народной памяти образ «партизана», боровшегося за интересы крестьянства.

Причины и обстоятельства быстрого превращения Антонова из «партизана» в «бандита» – среди ключевых проблем, которые ставит в своей книге Эрик Ландис. Его работа – самое взвешенное и полное на данный момент монографическое исследование антоновского движения. Ландис не только излагает в деталях историю восстания и его подавления, но и внимательно анализирует политику большевиков и советское государственное строительство в провинции, а также изменение массовых политических настроений и идентичностей в тамбовской деревне в годы Гражданской войны.

Исследование Ландиса опирается как на обширные документальные публикации последних лет об антоновском движении и крестьянстве в Гражданской войне, так и на его собственную исследовательскую работу в тамбовских, москов-

ских и западных архивах. Его целью было не просто восстановить историю «антоновщины», но и представить её новую интерпретацию. Ландис пытается отойти от распространённой трактовки восстания, как движения крестьян, доведённых до грани голода и отчаяния действиями представителей советской власти, восставших против этой власти и оказавшихся затем жертвами жестокой расправы. Историк рисует намного более комплексную и сложную картину восстания, где не было единой траектории развития событий и где зачастую всё менялось в зависимости от случайных обстоятельств. Он также подчеркивает связь восстания с общим политическим и культурным контекстом революции и Гражданской войны. Революционная эпоха снабдила и повстанцев, и их противников схожими символами и идеями. Она же определила способы и формы массовой мобилизации, происходившей в условиях распада государства. Именно в таком контексте краткой эры революции и Гражданской войны, по мнению Ландиса, можно понять, как «крестьянское восстание осени 1920 г. смогло трансформироваться в массовое движение, и как это движение затем быстро распалось и даже было забыто теми же общинами, которые прежде составляли его силу» (р. XIII).

Подчёркивая роль случайных факторов в возникновении движения, Ландис показывает, что положение на Тамбовщине не слишком отличалось от ситуации в других сельскохозяйственных губерниях. Наблюдавшееся там повсеместное сопротивление продрозвёрстке, а также недовольство крестьян советской властью были вполне типичными и вовсе не должны были неизбежно перерасти в массовое восстание. Скорее потенциальной, чем реальной основой для выступления против большевиков считает автор и многотысячную, но не организованную массу де-

* Э. Ландис. Бандиты и партизаны: Антоновское движение в Гражданской войне в России. Питтсбург: Издательство Питтсбургского университета, 2008. XXII, 381 с.

зертиров, уклонявшихся от мобилизации в Красную армию. По словам Ландиса, и Антонов первоначально больше походил не на восходящего лидера восстания, а на типичного «бандита» эпохи Гражданской войны. Собрав дружину из дезертиров, он занимался грабежами советских хозяйств и учреждений и нападениями на продотрядовцев, чекистов и местных большевиков. Он не выдвигал при этом далеко идущих политических целей и лозунгов, кроме призывов сопротивляться красной мобилизации и продразвёрстке.

Только случайное стечение обстоятельств, как показывает исследователь, привело к тому, что очередные стычки крестьян с продотрядовцами в августе 1920 г. переросли в массовое восстание. В немалой мере в этом были повинны тамбовские большевики, которые в ответ на выступление крестьян начали ещё более активно выбивать из них продовольствие. Затем последовало расширение восстания и быстрая самоорганизация повстанцев, чему содействовали предшествующие усилия Антонова по сплочению и вооружению дезертиров, а также созданные эсерами Союзы трудового крестьянства, уже с начала лета составлявшие «приговоры» против советской власти. Именно эти Союзы стали основой повстанческой администрации в деревне и быстро заменили собой советы.

Перерастанию конфликта в политическое движение способствовали также действия представителей эсеров, выдвинувшихся в лидеры восстания, в частности самого Антонова, в прошлом эсера-экспроприатора. Хотя официальные органы эсеровской партии отмежевались от антоновского восстания, Ландис отмечает, что программа повстанцев повторяла эсеровские лозунги смещения «нелегитимного» большевистского правительства, социализации земли, политического равноправия и созыва Учредительного собрания. Таким образом, массовое политическое движение крестьян в Тамбовской губ., как показывает Ландис, не выросло стихийно из крестьянских протестов, но не было и результатом запланированных действий партии эсеров. Скорее, реагируя на возникшие волнения, организуя повстанцев и «интерпретируя» крестьянские требова-

ния в политическом ключе, лидеры движения смогли вывести его за рамки узкого крестьянского мятежа и попытались бросить вызов Советскому правительству.

Исследуя динамику развития антоновского движения, Ландис впервые в историографии так комплексно показывает различные уровни вовлечённости сельских общин в восстание. Степень их участия могла различаться от простого принятия резолюций в поддержку движения и периодического предоставления повстанцам жилья для постоя, еды и лошадей до организации крестьянами актов саботажа против советской власти и создания собственного вооружённого отряда, который затем вливался в ближайший партизанский полк. Автор убедительно демонстрирует, что движение вначале пользовалось у крестьян значительной популярностью, а выборные Союзы трудового крестьянства располагали легитимностью и авторитетом. В материальном отношении поддержка армии Антонова также была значительно менее обременительна для деревни, чем требования продотрядовцев. Между тем служба в повстанческой армии не только давала молодым крестьянам моральное удовлетворение от выступления против ненавистной большевистской власти, но и сулила материальные блага от грабежей советских складов и хозяйств.

Однако достигнув максимального размаха в первые недели 1921 г., восстание затем начало неуклонно сокращаться в масштабах. Что же произошло? Отвечая на этот вопрос, Ландис приводит множество причин. Он показывает, что лидерам движения было трудно поддерживать боевой дух армии в условиях, когда большевики одерживали верх над противниками на всех фронтах Гражданской войны и когда приближение посевного сезона тянуло членов повстанческих отрядов обратно в свои хозяйства. Одновременно участие в движении становилось все более рискованным, так как с начала 1921 г. советское руководство перешло от разрозненной борьбы с повстанческими отрядами к массивной военной операции против повстанцев силами регулярных воинских частей. Также началась планомерная военная оккупация районов,

охваченных восстанием, с целью лишить повстанческие отряды их базы. Ширились жестокие репрессии за сотрудничество с повстанцами, включавшие массовые казни заложников, аресты и выселения крестьянских семей, заключение в концентрационные лагеря.

Наряду с нависшим «кнутом» демобилизации повстанческих отрядов содействовал «пряник», предложенный советской властью. Ландис отмечает, что очень важную роль сыграло прекращение советских реквизиций в зоне конфликта, а затем официальная отмена продразвёрстки. Кроме того, советское руководство начало создавать сельские посевные комитеты, чтобы справиться с недостатком семян и угрозой голода. Историк подчёркивает, что хотя надежды крестьян на получение через посевкомы значительного количества семян не оправдались, инициативы советской власти помогли переключить внимание крестьян на повседневные нужды. Опасаясь масштабных репрессий, с одной стороны, и видя готовность советской власти идти на уступки – с другой, многие партизаны сочли за лучшее сложить оружие и вернуться в свои хозяйства. В результате оставшиеся повстанцы оказались в изоляции. Они уже воспринимались крестьянами как помеха на пути к возвращению к нормальной жизни, и постепенно в крестьянском сознании из «партизан» превращались в «бандитов»-изгоев.

Как убедительно доказывает Ландис, очень существенную, хотя и неоднозначную, роль в поражении восстания сыграла также «оккупация» повстанческой территории советскими войсками. С одной стороны, она сопровождалась массовыми репрессиями против участников и сторонников антоновского движения, а также легла тяжёлым экономическим бременем на тамбовскую деревню, так как плохо снабжавшиеся солдаты регулярно занимались грабежами местного населения. Но с другой стороны, поскольку это была «оккупация русских крестьян русскими крестьянами в униформе» (р. 268), между населением и разместившейся в губернии армией завязались довольно тесные отношения. Автор показывает, как находившиеся в вынужденном бездействии

«оккупационные» силы порой начинали помогать крестьянам с сельскохозяйственными работами: участвовали в севе и сборе урожая, предоставляли лошадей, чинили поломанный инвентарь. Красноармейцы, приторговывавшие обмундированием и частью армейского пайка, а также конфискованными у крестьян предметами, способствовали возрождению частной торговли. Спасаясь от гарнизонной скуки, красное командование и солдаты устраивали сельские библиотеки, клубы и танцы, которые активно посещала значительная часть деревни, особенно молодые представительницы женского пола. Подобным «братанием» с бывшим противником сельские общины, скомпрометированные связями с антоновским движением, пытались обезопасить себя от возможных преследований. В результате опыт «оккупации» сглаживал границы между победителями и побеждёнными и помогал крестьянам дистанцироваться от восстания.

Ландис глубоко и убедительно анализирует механизмы возникновения и распада антоновского движения, показывая часто неожиданные его грани и приводя яркие и интересные детали. Он также превосходно выявляет связь движения с политическим и символическим контекстом эпохи Гражданской войны. Однако его упор на случайные факторы при объяснении возникновения и развития восстания вызывает ощущение некоторой недосказанности. Почему всё-таки похожие восстания не вспыхнули в соседних сельскохозяйственных губерниях, которые также страдали от развёрсток и мобилизаций? Были ли действия местных большевиков там сравнительно более мягкими? Или всему виной была харизма Антонова, сумевшего сплотить повстанцев? Или же ситуация в Тамбовской губ. была не настолько типичной, как представляется Ландису? Прояснить картину могло бы сравнение положения на Тамбовщине с развитием событий в соседних губерниях или, например, возможные параллели между антоновским движением и крестьянским восстанием в Западной Сибири. Впрочем, эти соображения – не упрёк автору, а перспектива для дальнейших исследований.

В более широком плане книга Ландиса наводит на очень важный вопрос, касающийся взаимоотношений крестьянства и власти, но также не даёт на него ответа. Историк выводит истоки антоновского движения из конкретных мер советской власти в деревне, а также из общего контекста Гражданской войны. Однако некоторые другие исследователи антоновского движения видели в нем проявление традиционного многовекового конфликта государства и крестьян, города и деревни¹. Многие современники и историки революции и Гражданской войны в целом писали о крестьянстве как об антигосударственной силе, демонстрирующей архаичное насилие и стремившейся освободиться от любого внешнего вмешательства². В то же время ряд исследователей, напротив, отрицает исключительную обособленность крестьянского мира и подчёркивают стремление крестьян – даже в кризисный период революции – наладить взаимодействие с властью³.

Читателю книги Э. Ландиса было бы интересно узнать, какое отношение имеет собранный и проанализированный им богатый эмпирический материал к этому важному историографическому спору.

Й. Вацек, Л. Бабка. Голоса изгнанников: Периодическая печать эмиграции из Советской России (1918–1945). Прага: Национальная библиотека Чешской республики, 2009. 126 с.

Несмотря на большой интерес к истории русской эмиграции, наблюдаемый в последние два десятилетия в России и за её пределами, сегодня по-прежнему ощущается недостаток работ об эмигрантской периодической печати, который лишь отчасти компенсируется наличием квалифицированных справочных изданий¹. Книга Т.А. Яковлевой, вышедшая в 1996 г. в Иркутске, долгое время оставалась едва ли не единственной монографией, анализирующей газетную периодику эмиграции². Но постепенно историки начали восполнять данный пробел: появились специальные монографии, статьи и научные сборники, а в Интернете была создана полнотекстовая база русской эмигрантской прессы³,

В целом же, раскрывая глубинные механизмы антоновского движения и наводя на дальнейшие вопросы и размышления, книга Э. Ландиса вносит исключительно важный вклад в изучение крестьянского движения в годы Гражданской войны.

Л.Г. Новикова

Примечания

¹ См., например: *Есиков С.А., Протасов Л.Г.* «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 49–50; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 3–4.

² *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922; *Figes O.* A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. N.Y., 1997; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

³ Добровольную службу крестьян в Красной армии, а также взаимодействие крестьян с советскими учреждениями в деревне, в частности, подчеркивают: *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003; *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1917–1922. Cambridge, 2008.

что значительно облегчило доступ к изданиям, давно ставшим библиографической редкостью.

В этом контексте рецензируемая книга, написанная чешскими докторами Йиржи Вацеком и Лукашем Бабкой, представляет особый интерес. Её авторы много лет активно изучают историю Зарубежной России и зачастую превосходят своих российских коллег как по оригинальности рассматриваемых сюжетов, так и по глубине поставленных проблем. Й. Вацек известен как руководитель знаменитой Славянской библиотеки в Праге в 1978–1992 гг. и один из самых крупных знатоков истории российской эмиграции. При его участии были подготовлены вы-